

назови фамилии. Ответишь правду — подарки получишь и сейчас же домой отпустим. Ну?

То, что произошло потом, я узнала из разговоров двух полицейских — Шурки Давыденко и Митьки Бауткина, — когда они сидели у нас в засаде поздно ночью.

Люся спокойно ответила, что к ее сестре никто не ходил и что никаких подарков ей не нужно.

— «Я, — говорит, — свою сестру люблю», и все тут, — рассказывал Бауткин. — Стоит и смотрит прямо в глаза Соликовскому. Как же, пионерка! Соликовский так и опешил. Да и все мы ожидали, что девчонка со страху все расскажет, расчет на нее особый был. Еще спрашивает, на испуг берет — молчит. Тогда Соликовский показывает ей на петлю, даже на шею ей накинул — молчит. Р-р-раз! — и к потолку. Держит за веревку Соликовский; теперь-то уж, мол, расскажет пионерка о своих. И ты знаешь: ни звука. Глядим — задыхается. Вынули из петли, водой из ведра окатили: говори! Суток пять в тюрьме продержали, так ни с чем ее и выпустили...

Я невольно слушала рассказы палачей. Я хорошо знала Люсю. Это была обыкновенная девочка — пионерка с красным галстуком, каких сотни тысяч. Но когда и ей пришлось постоять за дело Ленина—Сталина, не дрогнуло маленькое мужественное сердце.

Как ни трудно мне было тогда, но, слушая рассказ врагов о стойкости маленькой Люси-пионерки, я чувствовала, как светлей становится на душе и как растет бодрость и надежда. Не сломить немцу наших детей!

Так прошло десять дней. Я терпела. И все росла надежда. Я уже совсем решила, что Олег со своими друзьями где-то далеко, и понемногу начинала успокаиваться. Но это был только временный отдых. Беда не отходила от нас, она лишь выжидала своего часа.

Одиннадцатого января утром пришла полиция за моим